

ИМПЛИЦИТНЫЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССА КОММУНИКАЦИИ**О.В. Голубева**

Калужский государственный университет, Калуга

Статья посвящена исследованию содержательной и процедурной сторон процесса коммуникации, который связывается с постоянным преодолением участниками смысловой неопределённости, возникающей вследствие как языковых, так и неязыковых причин. Результат во многом зависит от идентификации значения единицы языка при опоре на выводной имплицитный потенциал, обеспечивающий возможность поиска оптимальных решений при понимании входящей информации.

Ключевые слова: имплицитная смысловая опора, смысловая неопределённость.

Многочисленные лингвистические исследования сегодня посвящены изучению глубинных основ процесса коммуникации, которые связаны с особенностями языкового воплощения замысла говорящего и понимания смыслового содержания адресатом. Сложность состоит в том, что «коммуникация достигается отнюдь не за счет оперирования блоками одинакового содержания. Это гораздо более сложный диалектический процесс непрерывного поиска общего в различном» [5: 39].

В поиске смыслового компромисса коммуниканты опираются как на общее, разделяемое знание, которое опосредовано результатами деятельности социума и закреплено в узусе, так и на собственный опыт познавательной деятельности, вербализуемый в процессе общения. Этот опыт составляет имплицитный багаж индивида, «...познающего мир, чувствующего и субъективно помечающего всё воспринятое, в том числе и связанное со словом – важнейшим инструментом познания, общения, адаптации к естественной и социальной среде» [2: 13].

Исследование процесса коммуникации, как правило, связано с двумя объектами изучения: его содержательной и процедурной сторонами. В первом случае предметом выступает двуплановость значения слова как достояния индивида (термин А.А. Залевской), во втором – моделирование процессов порождения высказывания и понимания (переживания) воспринятого. Основой для научных изысканий в первом случае является теория импликатур Г.П. Грайса, который обосновал подход к значению как феномену, не существующему независимо от опыта речемыслительной деятельности человека. Во втором случае определяющими, с нашей точки зрения, являются идеи Ч.С. Пирса, доказавшего наличие трихотомии бытия знака и заложенной в нём интерпретанты, т.е. привычки реагировать определённым образом под влиянием знака. Результаты подобного опыта позволяет осуществлять абдуктивный вывод (от частного к частному). Большой вклад в исследование процесса коммуникации внесли работы отечественных психолингвистов в целом и А.А. Залевской как руководителя Тверской психолингвистической школы, в частности.

Имплицитные смыслы, представленные в структуре значения единицы языка, могут быть разной степени устойчивости: от обобщённых, имеющих тесную связь с предметной областью значения (пресуппозиции, конвенциональные импликатуры), до частных, обусловленных личным опытом коммуникантов. Такие имплицитные установки (смысловые опоры – термин А.А. Залевской) имеют ряд общих характеристик: являются выводным «знанием для себя», эксплицируемым в случае коммуникативных проблем или неудач; выступают имплицитными предпосылками понимания воспринимаемой информации, то есть своеобразным объяснением «для меня – здесь – сейчас» интенций говорящего; могут стать причиной смысловой неопределённости, в силу особенностей познавательного опыта индивида.

Формирование таких имплицитных смыслов обусловлено рядом факторов, среди которых: стремление индивида к экономии когнитивных усилий, так как гораздо проще опереться на уже верифицированную схему умозаключения; целостность и образность представлений об объектах, охватывающих больше признаков, чем фиксируется словарным значением; наличие внутреннего контекста (термин А.А. Залевской), аккумулирующего многомерное знание индивида о мире.

Ещё в 40-х годах прошлого века Г.П. Грайс, рассуждая о понимании человеком смысла высказывания в процессе коммуникации, выдвигал гипотезы о психологической окрашенности речи индивида. Каждый акт речемыслительной деятельности учёный рассматривает как конкретное переживание человеком некоего ситуативного состояния («total temporary state»), или компрессии (серии) сходного опыта, зафиксированного в памяти. Примером может стать предложение *Кто-то слышит шум* (*Someone hears a noise*): прошлый опыт прослушивания подобного шума становится элементом ситуативного состояния, одновременно являясь частью серий подобных состояний. Кроме того, предложения с неопределёнными или личными местоимениями не могут быть перефразированы структурно, но изменяются в соответствии с подходящими сериями репрезентаций, которые обосновывают замену языковой единицы [8: 88–89].

Отсюда каждое состояние имеет хотя бы одну явную (потенциальную) связь, прямую или обратную, с подходящими сериями, обогащая и превращая эти репрезентации в объёмные образования. Эти состояния и обобщающие их серии опыта, очевидно, можно считать смысловыми опорами, составляющими имплицитный потенциал значения слова. Подобные промежуточные смысловые компоненты Г.П. Грайс считал единицами внутреннего словаря и называл *visa*, или «the vocabulary of perception» [6: 57–58].

Гипотеза о наличии у человека внутреннего лексикона неоднократно обосновывалась А.А. Залевской. Такой лексикон не может рассматриваться как безжизненная структура, так как обретение и преобразование знаний осуществляется живым, чувствующим и эмоционально заряженным индивидом. Пропуская через себя весь поток сведений о мире, человек формирует собственный, внутренний образ действительности, представляемый как живой поликодовый гипертекст, где переходы осуществляются с опорой на множество признаков,

релевантных в акте понимания / коммуникации и необходимых при продуцировании выводов о естественном и социальном окружении (см., [1; 2; 3; 4]).

Моделирование процесса активизации единиц внутреннего гипертекста также заслуживает внимания. Логико-философское обоснование умозаключения от частного к частному предложил Ч.С. Пирс, определив его как абдукцию, т.е. вывод, обладающий в реальных условиях коммуникации наибольшими объяснительными возможностями [9: 311].

В интерпретации Ч.С. Пирса, абдукция задаёт знание о возможном положении дел, связана с первичным формированием, предпочтением перед другими и положительной оценкой гипотезы, которая существует как предпосылка. Этап абдуктивного вывода обусловлен обобщением перцептивного опыта и выдвиганием предположения неосознанно, в виде «вспышки», в отличие от осмысленных дедукции и индукции. Несмотря на скорее интуитивность, абдукция признаётся логической операцией, так как опирается на ранее осмысленный и усвоенный опыт, суммируемый в выдвигаемом аргументе. Примером абдуктивного умозаключения может стать вывод о прошедшем ночью дожде с учётом увиденной мокрой травы в качестве посылки. Гипотеза о дожде носит правдоподобный характер, так как не является единственной (траву могли полить из шланга), однако она предпочтительна при наличии дополнительной посылки о громовых раскатах.

Фактически, логическая прагматика Ч.С. Пирса и современные исследования абдукции в рамках работ по созданию искусственного интеллекта обосновывают тот факт, что абдуктивное умозаключение предлагает более совершенную, натуралистическую (*naturalistic account*) модель, объясняющую рождение новой мысли (инсайт) при помощи приобретённого ранее опыта, релевантных знаний и стратегий поиска аналогий [7: 78–79].

Исследование процесса понимания в рамках психолингвистики позволило моделировать его развитие в виде гипотетической спирали (спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста), дающей возможность, оттолкнувшись от внешних условий, отобразить доступ к образу мира индивида посредством расширяющихся кругов выводных знаний (о психолингвистической теории слова с опорой на концепцию образа мира см.: [1; 3]). Эта модель во многом коррелирует с идеями Ч.С. Пирса, обеспечивая опору на знания, систематизация которых осуществлялась в ходе различных типов умозаключений.

Такой процесс переработки поступающей информации может осознаваться, но чаще остаётся знанием «для себя», применяемым на уровне неосознаваемого самоконтроля (см.: [4]). То, что для человека является продуктом «внутреннего пользования», самодостаточно в понятийном плане, не требует эксплицитных объяснений и выявляется в ходе анализа итогов психолингвистических экспериментов. Поиск релевантного *ad hoc* имплицитного объяснения направлен, главным образом, на преодоление смысловой неопределённости, которая является постоянным спутником любого акта коммуникации, поскольку «взаимопонимание в речи действительно прокладывает себе путь через своеобразие индивидуальных смыслов» [5: 38].

В идеале адресат способен полностью охватить всю содержательную сторону сообщения, но в реальных условиях коммуникации это едва ли возможно как вследствие языковых, так и неязыковых причин. Слушающий может испытывать затруднения из-за несформированности имплицитных смысловых опор, отсутствия предметных или фоновых знаний, сложности контекста, вызванной языковыми единицами, провоцирующими смысловую неопределённость (местоимениями, многозначными и широкозначными словами, дейктиками, рядом синтаксических конструкций и т.д.).

Отсутствие или неполнота понимания ведёт к возникновению смысловой неопределённости для адресата, который старается компенсировать недостаток ясности за счёт подходящих смысловых опор, сформированных в процессе накопления собственного опыта познавательной деятельности и коммуникации. Например, чтобы понять смысл приведённого ниже высказывания,

- a. *Peter*: Let's ask Billy to see a film with us tonight.
- b. *Mary*: He has to finish a paper.

необходимо сделать ряд выводов-инференций:

- a. Биллу придётся выполнить какие-то действия в ходе работы над статьёй.
- b. Биллу придётся дописать статью.
- c. Для Билла написание статьи – форма вежливого отказа от предложения.
- d. Не следует мешать Биллу закончить статью [10: 88–89].

Как правило, следуя стратегии экономии когнитивных усилий, слушающий ограничивается подходящим, с его точки зрения, в конкретной ситуации выводом. От его выбора зависит ответная реакция, совпадающая или нет с ожиданиями и интенциями говорящего, которому, в свою очередь, также придётся преодолевать смысловую неоднозначность.

Отсюда смысловая неопределённость и, как следствие, потенциальная двуплановость понимания под влиянием языковых, ситуативных факторов и имплицитного потенциала высказывания, не исключает преобладания в процессе коммуникации субъективного преломления знаний о мире. Ведущая роль индивида в процессе понимания обеспечивает учёт результатов всесторонней переработки знаний, структурированных в виде сети смысловых опор различной степени устойчивости.

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением А.А. Залевской, о том, что индивидуальный поликодовый гипертекст «...делает возможными любые процессы понимания текста (в том числе электронного) и взаимопонимания при общении» [2: 19], позволяя разрешить смысловую неопределённость.

Список литературы

1. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.
2. Залевская А.А. Значение слова и живой поликодовый гипертекст // Вопросы психолингвистики, 2013. № 1(17). С.8–19.

3. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. IASHE: Лондон, 2014. 179 с.
4. Залевская А.А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 38–43.
5. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
6. Chapman S. Paul Grice, Philosopher and Linguist. NY: Palgrave Macmillan Ltd, 2005. 247 p.
7. Gooding D.C. Creative rationality: Towards an abductive model of scientific change // Philosophica. 1996. Vol. 58(2). P. 73–102.
8. Menzies T. Applications of Abductions: Knowledge-level modelling // International Journal of Human-Computer Studies. 1996. Vol. 45. P. 305–335.
9. Wilson D. Relevance Theory // Oxford Handbook of Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 79–100.

IMPLICIT BASICS OF COMMUNICATION PROCESS

O.V. Golubeva

Kaluga State University, Kaluga

The paper covers a research of the content and procedure aspects of communication process characterized as a continuous overcoming of ambiguity by the participants and caused by both linguistic and non-linguistic factors. The outcome of the process depends to a great extent on the efficient word meaning identification pegged by the implicit inferential potential which provides the search of the best options while comprehending the input information.

Key words: implicit sense-formation patterns, ambiguity.